

Ангелы Торы

Москва увидит сны Шагала

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ. 2005-28 ФЕВР. С. 5

Вчера в Москве открылась выставка Марка Шагала «Здравствуй, Родина!». Картины художника, одного из лидеров Парижской школы модернизма, заняли почти весь выставочный корпус Третьяковской галереи.

Руководство Третьяковской галереи, кураторы выставки и именитые гости на вернисаже повторяли одну и ту же мысль: «На Марка Шагала нынче огромный спрос, он – самый популярный музейный художник, его выставки проходят во всех частях мира по самым разным поводам». Наконец, после долгого путешествия по странам и континентам шагаловские шедевры (например, «Окно на даче» 1915 года или «Над городом» 1918-го) вернулись в Москву и вместе с еще 150 полотнами расположились на двух этажах Инженерного корпуса. Самая крупная выставка Шагала в России названа очень выспренне: «Здравствуй, Родина!». Между прочим, небольшая акварель с таким названием висит в дальнем углу зала и представляет юношу с букетом цветов, наподобие циркового гимнаста, летящего вокруг солнечного диска. Возвращается ли он в Витебск, узнаваемые домики которого виднеются где-то внизу, или, наоборот, воспаряет ввысь, непонятно. Какую родину приветствует художник? Россию ли, о которой он в начале 20-х писал как о самом бесприютном месте и о той стране, которой он был явно не нужен, или Французскую Ривьеру, куда он постоянно возвращался и где оставил свои последние мону-ментальные вещи?

Как бы то ни было, именно картины из Ниццы и Парижа стали главными хитами нынешнего смотра. Из Национального музея «Библейское послание» в Ницце, например, прибыло трехметровое полотно «Авраам и три ангела», никогда не покидавшее музей. В ответ на это Третьяковка достала из запасников огромное панно, созданное Шагалом для Еврейского камерного театра в Москве в 1920 году (правда, вещь явно не закончена и выглядит не слишком эффектно).

Вся выставка оказалась разделенной на две части. Ее лучше всего осматривать с конца, с третьего этажа, где висят картины из московских и питерских собраний. Эта часть легкая, яркая, понятная и лучше всего знакомая нашему зрителю (летающие любовники и портреты жены). На втором этаже больше всего вещей привозных, главным образом из парижского Центра Помпиду. И именно здесь начинается основная проблема экспозиции, свойственная, кстати, почти всем выставкам в московских музеях. Ведь сами устроители шагаловских гастролей подчеркивали, что со временем язык Шагала становится сложнее: образы Библии и Торы у него смешиваются с собственными символами, а сны с реальностью. При этом устроители не потрудились хоть как-то облегчить жизнь зрителя: здесь нет ни одного пояснения, никаких комментариев, никаких сравнений или наблюдений. Буквально месяц назад в Вене прошла выставка, посвященная библейским мотивам Шагала, которая пользовалась огромной популярностью еще и потому, что через шагаловские вещи для европейцев раскрылись священные понятия и символы еврейской культуры. Может, устроители предполагают, что москвичи больше искушены в Торе и Талмуде, чем венцы? Конечно, приятно думать о самих себе подобным образом. Но боюсь, в данном случае сказалось элементарное нежелание доработать экспозицию. Сделать что-то больше, чем просто развесить картины. В итоге выставка оказывается рассчитанной либо на тех, кто Шагала знает по старым вещам, либо на тех, кто в состоянии купить дорогой каталог.

Внучки Марка Шагала Белла и Мерет Мейер-Грабер у портрета своей матери Валентины Бродской.

ИТАР-ТАСС. КОНСТАНТИН ПОСТИНКИН